

Степан Бурачок

Стихотворения М. Ю. Лермонтова

Степан Онисимович Бурачок

Стихотворения

М. Ю. Лермонтова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18954045

Аннотация

«Имеет ли образ мыслей наших влияние на наши действия, стремления, горести, радости – на всю нашу жизнь? Без сомнения, наш образ мыслей производит владычное влияние на все наше. Но если образ мыслей наших ошибочен, ложен, тогда и все наши стремления, все дела, вся наша жизнь непременно ошибочны, ложны, и мы – страдаем. Образ мыслей – это наша философия: у каждого своя. Истинная философия – одна: ей должны подчиняться все частные философии – Ивана, Кузьмы, Данилы, Терентия, если Иван, Кузьма, Данило не хотят оплакивать горьких следствий своей ложной философии, т. е. ложного, своевольного образа мыслей...»

Степан Бурачок

Стихотворения

М. Ю. Лермонтова

(Письмо к автору)

Имеет ли образ мыслей наших влияние на наши действия, стремления, горести, радости – на всю нашу жизнь? Без сомнения, наш образ мыслей производит владычное влияние на все наше. Но если образ мыслей наших ошибочен, ложен, тогда и все наши стремления, все дела, вся наша жизнь непременно ошибочны, ложны, и мы – страдаем. Образ мыслей – это наша философия: у каждого своя. Истинная философия – одна: ей должны подчиняться все частные философии – Ивана, Кузьмы, Данилы, Терентия, если Иван, Кузьма, Данило не хотят оплакивать горьких следствий своей ложной философии, т. е. ложного, своевольного образа мыслей.

Страдания, несчастия, беды, неудачи нашей жизни – это горы, овраги, камни, которые Промысл Божий ставит на ложных путях наших; ими он *отводит*, мешает нам продолжать ход по ложной дороге и мало-помалу наводит на дорогу прямую или близкую к прямой. А мы что делаем? – В пылу героизма бросаемся на гору; там изрежемся, исколемся, измучимся, хватаемся за всякую хворостинку, пер-

вая из них нам изменяет, и мы — стремглав летим в пропасть. Или, одушевляемые *молодечеством*, встретя непроходимый овраг, самоуверенно с разбега хотим перепрыгнуть его; смотришь — бедняга лежит на дне с разбитой головой. Или, встретя поперек дороги камень, мешающий проезду всего кортежа наших замыслов, сознаем в себе силы Атланта: «Давай схватим камень в охапку, сбросим за девять земель!» — и в изнеможении от бесплодных усилий падаем, изрыгая проклятия на камень.

Что ни говорите, а такой героизм — смешон, такое молодечество безрассудно! А если вспомним, чья отеческая рука ставит преграды на путях гибели, именно желая спасти от них, если вспомним, против кого мы геройствуем, молодечествуем, то наше геройство, молодечество будут уже преступны! Но не в таком ли героизме и молодечестве проходит вся наша жизнь? Оглянемся кругом себя. И почему все это? Потому что нам так *кажется*, мы так *думаем*; всему злу вина — образ мыслей, философия! Сколько ни горячись мы, как ни бейся, сколько ни увертывайся, а надо согласиться, что первая обязанность каждого — быть *умным*, т. е. *уметь* судить о вещах здраво, изучать истинный *порядок* вещей — и быть еще *разумным*, т. е. жить во свете разума вечного. Тогда образ мыслей наших (философия) будет верен, поступки наши — верны, жизнь — верная, светлая, и мы — счастливы. «*Век живи, век учись!*» Дело чрезвычайно просто. Отчего же не так делается? — Это очень любопытно.

Есть на свете животное, из рода домашних скотов, его зовут: Я. Удивительная, ужасная тварь этот господин Я. Как жаль: ни Бэр, ни Брандт, ни Куторга не потрудятся порядком разанатомировать, рассмотреть его в микроскоп! Представьте себе инфузорий, презренный прах, чуть-чуть заметный зоркому глазу, вооруженному «солнечным» микроскопом, – этот инфузорий всей землей ворочает и такие штуки куролесит, такие страшные, деннонощные опустошения производит повсюду, что удивительно, как целая рать досужих охотников до сих пор не ополчится на этого лютого зверя и не затравит его, как зайца.

Но, пока гг. физиологи ополчатся на него своими пинцетами и ланцетами и ретивейшие из охотников вселенной ополчатся на него вилами и секирами, я охотно предложу для желающих краткое описание этого ужасного, опустошительного инфузория, сделанное одним очень немудрым неучем, который во всю свою жизнь только и делал, что наблюдал его. Фамилии не помню.

«Это животное, – говорит он, – нельзя назвать духом, потому что в нем вовсе нет разума, а пропасть ума. Нельзя назвать его и веществом, несмотря что у него есть тело; Я проникает все тело, властвует в нем, непобедимо в нем, окопалось им, как неприступными окопами; его нельзя добыть, не разрушив тела, нельзя выжить его оттуда иначе как смертью, но можно усмирить его блокадой, можно крепко стеснить его тесною осадой – на штурм не советую хо-

дить, не сдастся; нет, довольно осадить, неусыпно стеречь все выходы, крепко стоять против всех вылазок; а его вылазки ужасны, зверски злостны, ежеминутны... Но *Я* – страшный трус: чуть видит, что вы тут, что вы не спите, что меч ваш обнажен, – сейчас же и назад! Голодом, только голодом морить его; до смерти боится! Чем он голоднее, тем полезнее, мало-помалу он присмирееет, подчас прикинется даже мертвым – лукавый!.. не верьте, не прекращайте вашего строгого надзора за ним! Но, доведя его до состояния „ручного“ животного, до послушности домашнего скота, можно извлечь из него большие житейские пользы. Этот *Я* ужасно силен, ужасно гибок, сметлив – на все руки! С ним чудеса можно делать: только надо держать в ежовых рукавицах. Ко всему этому еще он страшный лясник; такой сиреной запоем вам, таким добреньким прикинется, так вас разжалобит... только слушайте! беда! Законопатыте уши *разбивным* мушкилем (молотком), проварите густой смолой или доброю замазкой замажьте!

Вы узнаете его по следующим признакам.

Начать с того, что он ужасный вор. Крадет все на свете, все чужое, если может, присваивает себе. Это его отличительное качество, родоначальник всех бесчисленных его погибельных пороков. Он крадет чужую жену, чужое доброе имя, славу, открытие, статью – все, все на свете, что только чужое, ему ужасно хочется *присвоить* себе во что бы ни стало; все пропадай, только бы ему было хорошо! Но этого ма-

ло. *Я* выходит на сцену жизни: добивается насмерть курений, поклонений, самого рабского служения – все подавай ему на жертву! Где только вы слышите клики своеволия, свободы, вольности, – знайте, это оно – *Я*! Одно слово „закон“ приводит его в бешенство. Он сам хочет предписывать всему законы, сегодня так, завтра иначе, смотря по тому, что для него лучше.

Сознавая себя чем-то великим, оно ищет блеска, славы, грома торжеств. Геройство, молодечество, удалство, выскочка, отличие – вот его поприще, пища, услада: „Смотрите, каков *Я*! – знайте меня!“ – кричит оно, подбоченясь и высокомерно озираясь вокруг себя. Стать головой выше всех, где бы ни было, как бы ни было – ему все равно, только бы стать. Оно питается всем, везде находит себе пищу. В кулачном бою и в литературе, в презрении богатств и в скоплении богатств всех видов и родов, в лохмотьях нищего и в разряженной щеголихе, в игре в бабки и в политике, с Диогеном в бочке и с Алкивиадом в кругу прелестниц – *Я* первый, *Я* всех выше, все мое, и все – мне!

В то же время, разумеется, этот *Я* – сама зависть! До того, что такой же ломоть черного хлеба в *чужой* руке ему кажется и *белее*, и *слаще*, и *толще*. Он *горд*, надут собой, как пустой пузырь воздухом; *зол*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.